
ЦВЕТ ЗАРАЖЕНИЯ
18+

Тина Сэйдж
Цвет заражения

https://litres.ru/74804173
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мёртвые начали вставать, никто не был готов.

Катерина Монро — курсант военной академии, дочь полковника и астматик, который не может пробежать и сотни метров без ингалятора. Она привыкла, что её недооценивают. Но когда вирус «Штамм Гера» мутирует и умершие начинают подниматься, всё, что у неё есть, — это медицинские знания, упрямство и правило трёх: не помогать, не привязываться, не оставаться.

Итан Сольери — парень с тёмным прошлым и руками, которые умеют убивать. Его отец обвинён в утечке штамма и застрелен за предательство. Он не доверяет никому — особенно дочери полковника Монро.

Она не должна была выжить. Он не должен был её защищать. Но в мире, где мёртвые не умирают, а живые теряют всё, иногда единственное, что остаётся, — это держаться вместе. Когда все рушится, а город превращается в лабиринт из мёртвых тел и разбитого стекла, у них остаётся только один выбор: идти дальше. Среди тех, кто ещё жив, но уже не люди. И тех, кто считает себя людьми, но давно перестал ими быть.

Содержание

ПРОЛОГ. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Тина Сэйдж
Цвет заражения

ПРОЛОГ.

День первый. 06:45. Военная академия «Редстоун».

Я всегда думала, что конец света начнётся с громкой пронзительной сирены. С воя, от которого закладывает уши, с криков «Всем оставаться на местах!», с людей в защитных костюмах, которые врываются в комнаты и уводят кого-то в неизвестность.

Но всё началось с тишины.

С того, как наш инструктор по тактике, капитан Харрис, замолчал на середине фразы «В случае чрезвычайной ситуации вы обязаны...». Он просто стоял и смотрел в окно. Двадцать человек в аудитории обернулись следом. За стеклом, на плацу, рядовой из хозяйственного взвода медленно шёл по кругу. Без цели. Без смысла. Его форма была расстёгнута, а голова дёргалась в сторону, будто он пытался стряхнуть с шеи невидимую руку.

— Ложная тревога, — сказал Харрис. Голос у него был ровный. Слишком ровный. — Всем оставаться в аудитории. Я проверю.

Он вышел. Дверь закрылась. И тишина стала гуще.

Я сидела на третьем ряду, у прохода. Мой ингалятор лежал во внутреннем кармане куртки — я проверяла его каждые десять минут, как учила мама. Мама, полковник медицинской службы, всегда говорила: «Катерина, в чрезвычайной ситуации ты не бежишь. Ты дышишь. А потом решаешь». Я дышала. И считала.

Прошло четыре минуты. Пять. Харрис так не вернулся.

Через шесть минут в коридоре кто-то закричал. Не от боли. От ужаса. Того самого, животного, который не контролируется. Но крик быстро оборвался. А следом раздался звук, от которого у меня свело челюсть: влажный, рвущийся, будто кто-то пытался разорвать мокрую ткань.

Парень с первого ряда, Джейк, рванул к двери. Я резко схватила его за рукав.

— Не смей, — сказала я. — Харрис сказал сидеть.

Он отдёрнулся. Посмотрел на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с крыши. И открыл дверь.

В коридоре стоял Харрис.

И ещё один человек.

Тот, второй, был сержантом из соседнего взвода. Его лицо было бледно-серым, как старая бумага. На шее — рваная рана, из которой медленно, лениво текла тёмная кровь. Он повернул голову к Джейку. Медленно, как плохо смазанная машина. И сделал шаг вперёд.

Джейк попятился. Харрис — нет. Харрис стоял и смотрел. У него на груди расплывалось пятно. Он уже был мёртв, но

ещё не упал.

Я не помню, как вскочила. Помню, как схватила Джейка за шиворот и рванула обратно в аудиторию. Помню, как захлопнула дверь и заорала: «Столы! К двери! Живо!». Помню, как парни из моей группы начали двигать парты, а девчонки визжали и лезли на подоконники. Помню, как капитан Харрис начал биться в дверь. Ровно. Монотонно. Без криков. Без требований. Просто биться. Глухо. Как дятел. Если, конечно, дятлы пытались когда-то кого-то убить.

Я стояла спиной к стене, прижимая ингалятор к губам, и считала вдохи. Раз. Два. Три.

Дверь трещала.

А потом за моей спиной разбилось окно. Резко. Неожиданно. Настолько, что внутри все заледенело.

Я обернулась. В аудиторию, с плаца, через подоконник влетел парень в чёрной куртке с сержантскими нашивками. Я знала его в лицо. Итан Сольери. Старший курсант из параллельного взвода— тот, чьи родители были обвинены в утечке штамма пару месяцев назад. Его отца называли виновным в том, что происходит. Весь курс знал, что Сольери не сдаёт своих. И что он не любит тех, кто носит фамилию «Монро». Мою фамилию. Ведь именно моя мать назвала имя его отца, когда все рухнуло к чертям. И моя мать нажала на курок. Какая ирония.

Он посмотрел на меня. Потом на дверь, в которую бились мёртвые. Потом снова на меня. В его глазах не было паники.

Была злость. И холодный расчёт.

— Медик здесь есть? — спросил он.

Я подняла руку. Он скривился так, будто я только что испортила ему весь план.

— Плохо, — сказал он. — Ну хоть кто-то.

Он шагнул ко мне, схватил за запястье и потащил к окну. Его пальцы были ледяными.

— Мы уходим. Сейчас.

— Там люди, — сказала я, кивнув на дверь.

— Эти люди уже мертвы, — ответил он. — А ты пока нет.

Я обернулась. Дверь треснула по швам. В щели показалась серая рука с обломанными ногтями. Я вдохнула. Ингалятор был наготове. Выдохнула.

И шагнула в окно следом за Итаном Сольери.

Я знала, что ему нельзя доверять. Никому нельзя. Но я также знала другое: в новом мире нельзя бежать. Нужно дышать. А потом решать.

И я решила идти с ним.

***

Приземление вышло неудачным. Очень.

Я подвернула левую ногу — ту самую, со старой травмой — и рухнула на асфальт плаца, ободрав ладони о гравий. Ингалятор вылетел из кармана, покатился по земле, и я поползла за ним, как последняя идиотка, пока Сольери не схватил меня за капюшон и не поставил на ноги.

— Ты издеваешься? — прошипел он. Парень и правда вы-

глядел очень злым. Казалось, будто своим падением я испортила весь его план, и он уже подумывает бросить меня тут.

— Я астматик, а не спринтер, — прошипела я в ответ, вырывая капюшон. Пусть умничает сколько угодно, я не просила меня спасать и уж тем более брать с собой.

— Отлично. Просто отлично. Медик, который не может бегать.

— Медик, который может остановить тебе кровотечение. Пока что ты мне не нравишься настолько, чтобы я это делала, но всё впереди.

Он посмотрел на меня так, будто всерьёз решал, стоит ли тащить меня дальше. Потом махнул рукой в сторону оружейной и побежал. Я побежала следом, стараясь не хромать слишком заметно.

***

Академия «Редстоун» умирала. Это было видно отсюда.

На плацу стояли три брошенных грузовика, у одного горел капот, и дым стелился по земле серой простынёй. Из корпуса Б выбегали курсанты — без оружия, без приказов, некоторые в одной форме, некоторые в пижамах. За ними шли другие. Медленные. Серые. Я видела их только в новостях — в тех жутких кадрах из «горячих точек», которые мама запрещала мне смотреть. Теперь они были здесь, в двадцати метрах от меня, и шли они неровно, будто каждый шаг был для них подвигом.

— Не смотри, — сказал Сольери, не оборачиваясь. —

Смотри на ноги.

— Я медик. Мне нужно смотреть на пациентов.

— Это не пациенты. Это ходячее мясо. И если ты будешь на них пялиться, ты станешь таким же.

Он был прав. Я ненавидела, когда кто-то был прав.

За углом корпуса А нас ждали. Трое. Парень с перебитым носом — он нервно перекладывал монтировку из руки в руку. Черноволосая девушка со стрижкой «каре» и шрамом на брови — она стояла, скрестив руки, и смотрела на меня, как на грязь под ногтями. И парень младше меня, лет шестнадцати, с круглыми глазами и дрожащими губами. У него на форме была нашивка первого курса.

— Сольери, — сказала девушка. — Ты опоздал.

— Нашёл медика, — ответил Итан, кивая на меня.

Девушка окинула меня взглядом. Медленно. От кроссовок до лица.

— Это Монро. Дочь полковника Монро.

— Я знаю, кто она, Морган. И она — единственный медик, которого я нашёл. Если тебе не нравится, можешь идти одна.

Морган поджала губы. Промолчала. Хотя по лицу было видно, что ей есть что сказать на этот счет. Парень с монтировкой — его звали Дерек, я узнала нашивку на рукаве — хмыкнул.

— А она хоть раз кого-то лечила? — спросил он.

— Я два года училась на медфаке, — сказала я. — И у ме-

ня есть глаза. Этого достаточно, чтобы зашить рану и остановить кровотечение. Дальше — по обстоятельствам.

— По обстоятельствам, — повторил Дерек. — Мне нравится. Оптимистка.

— Реалистка. Оптимизм оставь для тех, кто верит в правительство.

Сольери усмехнулся — коротко, одним уголком рта. Я сделала вид, что не заметила.

Мальчишку звали Оливер. Ему было шестнадцать. Он был на первом курсе, и его трясло так, что я слышала стук зубов.

— Эй, — сказала я, присев рядом с ним на корточки. — Как тебя зовут?

— О-оливер.

— Оливер, посмотри на меня. Не на них. На меня. Дыши. Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть. Понял?

Он кивнул. Начал дышать. Пальцы на автомате перестали дрожать.

— Хорошо, — сказала я. — Ты справишься. Держись за Дерека, если станет страшно. Он выглядит как человек, который не упадёт.

— Я не нянька, — буркнул Дерек.

— Теперь нянька.

Сольери смотрел на меня. Дольше, чем нужно. Я встретила его взгляд, и он отвёл глаза.

— Слушаем все, — сказал он. Голос сразу стал другим —

не курсантским, а командирским. Жёстким, ровным. — Мы идём к автопарку. Там стоят два «Хамви», у одного, скорее всего, топливо ещё есть. Если прорвёмся — едем к северным воротам.

— А если не прорвёмся? — спросила его подруга.

— Тогда идём пешком.

— Через город?

— Через город.

Морган открыла рот, чтобы возразить, но наш неназванный лидер уже двинулся вперёд. Быстро, бесшумно, прижимаясь к стене. Мы пошли за ним.

Дорога до автопарка занимала в спокойное время четыре минуты. Теперь — двадцать, потому что мы шли вдоль стены, прятались за мусорными контейнерами, перебегали от одного укрытия к другому. В какой-то момент из-за угла вышел ходячий — тот самый сержант из хозяйственного взвода, которого я видела на плацу. Его лицо было наполовину разорвано, но глаза — мутные, белые — смотрели прямо на меня. Он сделал шаг. Другой.

Итан шагнул вперёд и одним движением вогнал ему нож в висок. Тихо. Чисто. Без криков. Мёртвый упал лицом вниз.

— Это был человек, — сказала я. Голос сел.

— Нет, — сказал Итана. Он даже не запыхался. — Это была угроза. Разница есть.

— Ты его убил.

— Я прекратил то, что уже произошло. Если тебе от этого

легче — думай так.

Мне не было легче. Но я не стала спорить.

В автопарке было тихо. Слишком тихо. «Хамви» стояли на месте — один с открытым капотом, второй целый. Сольери проверил топливо. Показал большой палец.

И тут Оливер сделал то, что делают все шестнадцатилетние в кино и на войне: он побежал.

— Нашёл! — заорал он, показывая на ящик с патронами. — Сольери, здесь патроны!

Голос. Громкий, звонкий. Как выстрел.

Сольери рванулся к нему, но было поздно. Из ворот автопарка, из тени, вышли они. Трое. Может, четверо. Медленные. Но их было много, и они шли со всех сторон.

— Оливер, ко мне! — заорал Сольери.

Я не помню, как приняла решение. Помню только, что схватила ящик с инструментами, выскочила на середину площадки и заорала ещё громче, чем подросток:

— Эй! Сюда! Здесь!

Они повернулись. Все. Серая толпа медленно, как стая сомнамбул, начала двигаться ко мне. Я побежала в противоположную сторону, к фургону, и запрыгнула на капот.

— Все в «Хамви»! Сейчас! — орал Сольери.

Я видела, как Дерек схватил Оливера за шиворот и закинул в машину. Как темноволосая запрыгнула на пассажирское. Как Сольери завёл двигатель. И как вся эта серая масса окружила фургон.

Я залезла на крышу небольшой пристройки. Оттуда, сверху, я видела, как «Хамви» рванул с места, как развернулся, как Сольери высунулся в окно и заорал:

— Прыгай!

Я не умела прыгать. У меня была травма колена и астма. Но у меня не было выбора.

Я прыгнула. Приземлилась на крышу «Хамви», ободрала локоть, вцепилась в багажник. Сольери рванул так, что меня снесло назад, и Дерек, тот самый Дерек с перебитым носом, схватил меня за ремень и втащил в салон.

— Ты психопатка, — сказал он.

— Ты только что меня спас. Не порти момент.

Я сидела на полу «Хамви», прижавшись спиной к сиденью, и пыталась дышать.

Ингалятор. В кармане. Я достала его, вдохнула. Раз. Два. Три.

Итан вёл машину молча. Через зеркало заднего вида он смотрел на меня — короткими, резкими взглядами. Как будто проверял: жива? ещё не свалилась?

— Ты почему не села в машину? — спросил он наконец.

— Оливер орал. Они бы услышали.

— Ты могла умереть.

— Я знаю.

— Ты не должна была.

— Я знаю.

Он замолчал. Сжал руль так, что побелели костяшки.

— Больше так не делай, — сказал он тихо.

— Я не могу обещать.

— Монро.

— Что?

— Если ты ещё раз подставишься под ходячих ради кого-то из моей группы, я лично тебя придушу. Мне нужен медик, а не безмозглая дура с синдромом спасателя.

Я усмехнулась. Больно, но искренне.

— Сначала спаси меня ещё пару раз. А потом уже души.

Он ничего не ответил. Но я видела, как у него дёрнулся уголок рта.

Северные ворота были открыты. За ними — дорога, ведущая в город. В город, который я не видела с начала вспышки. В город, где могли быть живые. Или не быть.

Сольери остановил машину в пятидесяти метрах от ворот и заглушил двигатель. Повернулся к нам.

— Слушаем. В городе мы не разговариваем. Не светим фонарями. Не трогаем трупы. Не открываем двери. Не доверяем никому. Если видите человека — не подходите. Если слышите крик — не бегите на него. Если видите ребёнка — не верьте ему.

— Жестоко, — сказала я.

— Это не жестоко. Это правила. Жестоко — это то, что будет с нами, если мы их нарушим.

Он повернулся ко мне.

— Ты. Ты знаешь город?

— Я жила здесь четыре года.

— Карту в голове держишь?

— Держу.

— Отлично. Будешь штурманом.

— А ты будешь водителем?

— А я буду тем, кто тебя прикрывает.

Он сказал это так, будто это ничего не значило. Будто это была просто строчка в списке задач. Но я слышала, как он это сказал. И, судя по лицу Морган, она тоже услышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.